

Malkina, Marina Yu.; Ovchinnikov, Vyacheslav N.; Kholodilin, Konstantin A.

Article — Published Version

Институциональные факторы политического доверия в современной России

Journal of Institutional Studies

Provided in Cooperation with:

German Institute for Economic Research (DIW Berlin)

Suggested Citation: Malkina, Marina Yu.; Ovchinnikov, Vyacheslav N.; Kholodilin, Konstantin A. (2020) : Институциональные факторы политического доверия в современной России, Journal of Institutional Studies, ISSN 2076-6297, Humanitarian Perspectives Publishing House, Rostov-on-Don, Vol. 12, Iss. 4, pp. 77-93,
<https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093>

This Version is available at:

<https://hdl.handle.net/10419/235601>

Standard-Nutzungsbedingungen:

Die Dokumente auf EconStor dürfen zu eigenen wissenschaftlichen Zwecken und zum Privatgebrauch gespeichert und kopiert werden.

Sie dürfen die Dokumente nicht für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, öffentlich zugänglich machen, vertreiben oder anderweitig nutzen.

Sofern die Verfasser die Dokumente unter Open-Content-Lizenzen (insbesondere CC-Lizenzen) zur Verfügung gestellt haben sollten, gelten abweichend von diesen Nutzungsbedingungen die in der dort genannten Lizenz gewährten Nutzungsrechte.

Terms of use:

Documents in EconStor may be saved and copied for your personal and scholarly purposes.

You are not to copy documents for public or commercial purposes, to exhibit the documents publicly, to make them publicly available on the internet, or to distribute or otherwise use the documents in public.

If the documents have been made available under an Open Content Licence (especially Creative Commons Licences), you may exercise further usage rights as specified in the indicated licence.

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАРИНА ЮРЬЕВНА МАЛКИНА,

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: mmiri@yandex.ru;*

ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ ОВЧИННИКОВ,

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ,
г. Нижний Новгород, Россия,
г. Москва, Россия,
e-mail: vyacheslav_ovchinnikov_1993@mail.ru;*

КОНСТАНТИН АРКАДЬЕВИЧ ХОЛОДИЛИН,

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Немецкий институт экономических исследований,
г. Нижний Новгород, г. Санкт-Петербург, Россия,
г. Берлин, Германия,
e-mail: kkholidilin@diw.de*

Цитирование: Малкина, М. Ю., Овчинников, В. Н., Холодилин, К. А. (2020). Институциональные факторы политического доверия в современной России // *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 77-93. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093

Цель настоящего исследования – анализ и количественное оценивание влияния институциональных факторов на политическое доверие различным уровням власти (федеральной, региональной и местной) в современной России. Данные и методы. Исследование основано на микроданных опроса Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) «Мониторинг уровня жизни домохозяйств/индивидов в развитых, переходных и развивающихся странах» (LiTS – Life in Transition Survey). В качестве институциональных факторов доверия нами рассматривались воспринимаемая эффективность и коррупционность органов власти, а также уровень межличностного доверия. Дополнительной объясняющей переменной стал субъективный дециль богатства домохозяйств. Для оценивания параметров модели использовались линейные регрессии с инструментальными переменными. Результаты и их применение. Во-первых, нами было установлено, что в 2016 году главной детерминантой доверия

российских граждан президенту была воспринимаемая эффективность действий федерального правительства. В то же время главным фактором (не)доверия российских граждан местным органам власти был воспринимаемый уровень коррупции на местах. Во-вторых, мы установили, что бедные домохозяйства оказывались наиболее лояльными по отношению к российскому президенту группами населения, и объяснили данный феномен активной перераспределительной политикой федеральных властей. В-третьих, на микроуровне мы обнаружили существенную положительную связь политического доверия с межличностным доверием. В заключение даны рекомендации относительно эффективного управления политическим доверием в современной России.

Ключевые слова: политическое доверие; уровни власти; институциональные факторы; воспринимаемый уровень коррупции; эффективность правительства; межличностное доверие; субъективный дециль богатства

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета в рамках научного проекта «Влияние доходного неравенства на уровень политического доверия в обществе».

INSTITUTIONAL FACTORS INFLUENCING POLITICAL TRUST IN MODERN RUSSIA

MARINA YU. MALKINA,

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russia,
e-mail: mmuri@yandex.ru;*

VYACHESLAV N. OVCHINNIKOV,

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Financial Research Institute of the Ministry of Finance
of the Russian Federation,
Nizhni Novgorod, Russia,
Moscow, Russia,
e-mail: vyacheslav_ovchinnikov_1993@mail.ru;*

KONSTANTIN A. KHOLODILIN,

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg,
Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung,
Nizhni Novgorod, Saint Petersburg, Russia,
Berlin, Germany,
e-mail: kkhodilin@diw.de*

Citation: Malkina, M. Yu., Ovchinnikov, V. N., Kholodilin, K. A. (2020). Institutional factors influencing political trust in modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 77-93. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093 (In Russian.)

The aim of this study is to analyze and assess the impact of institutional factors on political trust in various levels of government (federal, regional and local) in modern Russia. Data and methods. The study is based on microdata from the European Bank for Reconstruction and Development

(EBRD) “Life in Transition Survey” (LiTS). We examined such institutional factors of political trust as perceived government performance and level of corruption, as well as the level of interpersonal trust. The subjective decile of household wealth was an additional explanatory variable in our analysis. We estimated the model parameters using linear regressions with instrumental variables. Results and their application. First, we found that in 2016 the perceived effectiveness of the federal government was the main determinant of Russian trust in the president. At the same time, the perceived level of local corruption was a major factor of Russian citizens’ (mis)trust in local authorities. Second, we found that poor households turned out to be the most loyal groups of the population towards the Russian president, and we explained this phenomenon by the active redistributive policy of the federal authorities. Third, we revealed a significant positive relationship between political and interpersonal trust at the micro level. In conclusion, we made recommendations on the effective management of political trust in modern Russia.

Keywords: *political trust; levels of authority; institutional factors; perceived level of corruption; government effectiveness; interpersonal trust; subjective decile of wealth*

Acknowledgments: *The study was carried out with the financial support of the Competitiveness Program of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, as a part of the project: “Impact of Income Inequality on the Level of Political Trust in Society”.*

JEL: *B52, D63, D73*

Введение

Политическое доверие – это важная проблема, от решения которой зависит уровень экономической, социальной и правовой стабильности в стране. Существует множество теорий и концепций политического доверия. В основном оно связывается с эффективностью правительства, степенью социального неравенства и уровнем коррупции в стране. В масштабах государства на доверие оказывают влияние национальная культура и исторический опыт, а также уровень межличностного доверия. При моделировании политического доверия разные авторы учитывают как объективные показатели, так и субъективные оценки конкретных экономических агентов, а также их отношение к тем или иным процессам, фундаментально определяющим уровень политического доверия в стране.

Настоящее исследование посвящено политическому доверию в Российской Федерации и базируется на микроданных опроса Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) LiTS за 2016 год. В качестве основных институциональных факторов политического доверия мы рассматриваем воспринимаемые респондентами эффективность органов власти и степень их вовлеченности в коррупцию, уровень межличностного доверия. Дополнительной экономической переменной, влияющей на уровень политического доверия, является субъективный дециль богатства домохозяйств. Особенность данного исследования – попытка выяснения характера влияния основных институциональных и социально-экономических факторов на политическое доверие разным уровням власти (федеральной, региональной и местной) в современной России.

1. Обзор литературы

Проблема доверия традиционно изучается современной социологией, но также ей уделяется особое внимание в политологии и институциональной экономике. Так, социолог Фрэнсис Фукуяма давал следующее определение: «Доверие есть возникающее в рамках определенного сообщества ожидание, что члены общества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» (Фукуяма, 1999, с. 134). Другой социолог – Адам Селигмен – в своей фундаментальной книге «Проблема доверия» писал, что «центральным для определения доверия (в противоположность уверенности) является то, что оно вовлекает человека в отношения, где действия, характер или намерения другого не могут быть удостоверены» (Селигмен, 2002, с. 17). И далее: «Доверие – это нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, в чем, возможно, может быть названо “открытыми пространствами” ролей и ролевых ожиданий» (Там же, с.

21). Современные исследователи обычно разграничивают два типа доверия: межличностное и институциональное.

В работе (Levi, Stoker, 2000, p. 476) делается акцент на относительности доверия (уязвимости человека для другого человека, группы или учреждения, которые могут причинить ему вред или даже предать) и условности доверия (оно оказывается конкретным лицам или учреждениям в определенных областях). Недоверие может побудить к бдительности и контролю отношений, отказу от сотрудничества или разрыву отношений, когда это возможно. Суждение о доверии отражает убеждение в надежности другого человека (группы или учреждения). Атрибутами надежности и доверия, согласно (Levi, Stoker, 2000, p. 476), являются: 1) добросовестность – обязательство действовать в интересах доверенного лица в силу моральных ценностей, что предполагает выполнение обещаний, проявление заботы о доверителе, совместимость стимулов или их комбинацию; 2) компетентность в сфере, где оказывается доверие. Согласно (Dodsworth, Cheeseman, 2020, p. 5), доверие означает уверенность в надежности, правдивости, а также способностях кого-либо. Исследования, проводимые в рамках Edelman Trust Barometer, показывают, что в настоящее время люди выражают свое доверие тем или иным институтам на основе двух различных атрибутов: компетентности (выполнение обещаний) и этического поведения (правильные поступки и работа для улучшения общества)¹.

Современные исследователи в зависимости от сферы отношений различают следующие виды доверия: социальное, политическое, межличностное, доверие к бизнесу, международное доверие и др. Наше исследование касается политического доверия, которое является и доверием к политическим институтам (т.е. институциональным доверием), и доверием к конкретным личностям во власти.

В литературе существует несколько определений политического доверия. Например, в статье П.М. Козыревой и А.И. Смирнова политическое доверие определяется как «уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» (Козырева, Смирнов, 2015, с. 81).

В работе (Mishler, Rose, 2001) на основе анализа сформировавшихся в зарубежной литературе подходов к исследованию политического доверия анализируются и тестируются четыре альтернативные гипотезы его происхождения:

- 1) гипотеза о связи политического доверия с особенностями национальной культуры и сложившимся исторически национальным опытом;
- 2) гипотеза о связи политического доверия с процессами индивидуальной социализации личности и местом людей в социальной иерархии;
- 3) гипотеза о связи политического доверия с качеством политических институтов, деятельностью правительства и успехами государственной политики;
- 4) гипотеза о связи политического доверия с индивидуальными установками и ценностями и занимаемым социально-экономическим положением.

Заметим, что указанное исследование (Mishler, Rose, 2001) подтвердило большую релевантность гипотезы 3 – о влиянии государственной политики и политических институтов на доверие к власти.

В диссертационном исследовании (Segovia Arancibia, 2008) тестируются три гипотезы, касающиеся политического доверия: 1) существуют различия в уровнях политического доверия как внутри страны, так и между странами; 2) на индивидуальном уровне политическое доверие связано с восприятием справедливости и компетентности национальных органов управления; 3) на уровне стран политическое доверие определяется уровнем коррупции.

В другой статье (Festenstein, 2020) выделяются три концепции политического доверия: этическая концепция (*moral conception*), концепция реагирования (*responsiveness conception*) и концепция выполнения обязательств (*commitment conception*). Причем автор развивает

¹ The 2020 Edelman Trust Barometer. (<https://www.edelman.com/trustbarometer> – Дата обращения: 01.10.2020).

относительно новую третью концепцию, которая вписывается в теорию состязательности общественного пространства.

В работе (Lee et al., 2020) исследуются два подхода к политическому доверию. Согласно первому подходу, политическое доверие представляет собой оценку того, насколько хорошо функционирует правительство, и как политическая система реагирует на потребности людей. В рамках этого подхода оценка правительства и его успехов в экономике может рассматриваться как на макроуровне – через показатели экономического роста или уровня безработицы, так и на микроуровне – через показатели индивидуального экономического благополучия человека.

Согласно второму подходу, на политическое доверие оказывает влияние уровень социального неравенства. Здесь также различается макроуровень, когда в качестве показателя неравенства берется, например, коэффициент Джини (для проведения межстрановых сравнений или анализа временных рядов), и микроуровень, когда рассматривается положение отдельного человека в доходной иерархии.

В целом авторы сходятся в том, что политическое доверие зависит как от общего уровня доходного или имущественного неравенства в масштабах страны, так и от личного благополучия конкретного гражданина. Изучая проблему взаимосвязи между неравенством и доверием, ученые разграничивают объективное положение людей на доходной лестнице и их субъективное восприятие собственного уровня дохода, связанное с нормами и институтами, существующими в обществе.

Следует отметить, что эмпирические исследования, посвященные связи политического доверия с неравенством, привели к неоднозначным результатам. Например, в статье (Fairbrother, Martin, 2013), основанной на данных опросов жителей штатов и округов США, авторы пришли к заключению, что снижение доверия в США не было связано с ростом неравенства. В то же время в статье, основанной на данных 18 стран Латинской Америки (Zmerli, Castillo, 2015), с помощью многоуровневых моделей доказывалось, что и объективное неравенство, и субъективное восприятие несправедливости в распределении доходов негативно влияют на политическое доверие в обществе. В другой работе (Braun, Fatke, 2019) на основе всестороннего анализа данных различных обзоров World Values Surveys выявлено, что в странах с низким уровнем неравенства воспринимаемая принадлежность к более высокому социальному классу положительно связана с политическим доверием, тогда как для стран с высоким уровнем неравенства это не выполняется.

В исследовании (Lee et al., 2020), основанном на данных четвертой волны Азиатского барометра по 14 азиатским странам, сделано несколько выводов. Во-первых, субъективное восприятие человеком своего экономического благополучия или неравенства является решающим фактором политического доверия. Во-вторых, влияние макроэкономических показателей неравенства на политическое доверие является неоднозначным. В-третьих, неравенство доходов на макроуровне действует как модератор между воспринимаемым неравенством доходов и политическим доверием.

В ряде работ к ключевым факторам, влияющим на политическое доверие, относится уровень восприятия коррупции. Более того, некоторые исследователи рассматривают неравенство и коррупцию как взаимосвязанные проблемы. Например, (Uslaner, 2011; Rothstein, 2011) обнаружили некий порочный круг неравенства (inequality trap), согласно которому снижение доверия в условиях растущего неравенства способствует развитию коррупции, которая вызывает дальнейший рост неравенства и падение доверия в обществе.

Однако в эмпирических исследованиях влияние как коррупции, так и неравенства на политическое доверие оказалось неоднозначным. В частности, было обнаружено, что в слаборазвитых странах с высоким уровнем коррупции и слабым управлением политическое доверие может быть выше, чем в развитых странах с более низким уровнем коррупции и более эффективным управлением. В исследовании (Baniamin, 2019), посвященном трем странам Южной Азии (Бангладешу, Непалу и Шри-Ланке), этот феномен объясняется «авторитарной культурной ориентацией» (authoritarian cultural orientation). Благодаря такой ориентации в обществе развиваются иерархические отношения, которые порождают естественное подчинение властям. Это, в свою очередь, способствует более высокому уровню институционального доверия. Аналогичным образом в работе (Goubin, 2020) показано, что в странах с высоким уровнем неравенства и низкой политической инклюзией (вовлеченностью в управление общественной жизнью и принятие решений) связь между неравенством и политическим доверием ослабевает.

Когда экономическое неравенство и политическая изоляция высоки, традиционные механизмы подотчетности политиков гражданам становятся менее очевидными.

В заключение теоретической части обратим внимание на исследования, посвященные особенностям формирования политического доверия в российском обществе. Так, в работе (Терин, 2018) на основе данных всероссийского исследования 2015 года «Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе» с использованием регрессионного анализа показано, что наиболее важными факторами, влияющими на уровень политического доверия в современной России, являются эффективность политических институтов, личное взаимодействие с политическими институтами и восприятие справедливости общества. В меньшей степени политическое доверие зависит от уровня межличностного доверия. В статье (Козырева, Смирнов, 2015), напротив, выявлена взаимосвязь политического (или институционального) доверия в российском обществе с межличностным доверием.

В исследовании (Авдеева, 2019) показано, что по уровню социального доверия Россия значительно уступает большинству развитых государств. Наиболее высоким доверием в стране пользуются такие институты, как вооруженные силы и церковь, а также высоко политическое доверие, особенно президенту. Причем доверие главе государства достигло своего пика (80–90%) в марте 2014–мае 2018 года, что объясняется скорее не экономическими, а политическими факторами (Крымской кампанией, противостоянием Западу и ростом патриотических настроений). Однако в июне 2018 года после принятия непопулярных мер (повышения пенсионного возраста и налога на добавленную стоимость) доверие президенту, премьер-министру и правительству в целом в России резко снизилось. Это же исследование на выборке стран подтвердило положительную корреляцию между доверием и уровнем экономического развития страны.

На примере России также изучалась взаимосвязь политического доверия с конкретной ситуацией в экономике. Так, в работе (Ananyev, Guriev, 2017) анализировалось влияние кризисных явлений в экономике на социальное и политическое доверие. На данных по российским регионам в период кризиса конца 2008 – начала 2009 года авторы пришли к выводу, что снижение дохода на 10% приводило к уменьшению социального доверия на пять процентных пунктов (п.п.). В посткризисный период (2012–2014) долгосрочное отрицательное влияние кризиса на доверие наблюдалось в тех регионах, где спад производства и кризис доверия были больше.

Опираясь на представленный в литературе институциональный профиль политического доверия (Wang, 2016), в настоящем исследовании в качестве двух основных институциональных факторов доверия (недоверия) российским органам власти выделим: воспринимаемый уровень коррупции (этический фактор) и уровень эффективности органов власти. При этом мы полагаем, что высокий уровень коррупции в органах власти должен отрицательно влиять на оказываемое им доверие, тогда как субъективная оценка их эффективности, напротив, влияет положительно. В качестве дополнительного институционального фактора политического доверия будем считать уровень межличностного доверия. Кроме того, в качестве важной детерминанты политического доверия нами выделяется воспринимаемый человеком уровень материального благосостояния, оцениваемый субъективным децилем богатства домохозяйства.

Таким образом, *цель* настоящего исследования – определение влияния институциональных факторов (воспринимаемой эффективности управления, уровня коррупции и межличностного доверия), а также субъективных оценок богатства домохозяйств на уровень политического доверия в современной России. Особенностью данного исследования является выявление влияния институциональных факторов на доверие различным уровням российской власти (федеральной, региональной и местной).

2. Данные и гипотезы исследования

Настоящее исследование основывается на результатах опроса Европейского банка реконструкции и развития, известного как «Мониторинг уровня жизни домохозяйств/индивидов в развитых, переходных и развивающихся странах» (LiTS – Life in Transition Survey). Для оценки явления в динамике мы использовали данные LiTS-I и LiTS-III за 2006 и 2016 годы соответственно².

² The European Bank for Reconstruction and Development. Official site. Life in Transition Survey (LiTS). (<https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html> – Accessed: 01.03.2020).

В 2006 году массив выборочных данных формировался по 29 странам, куда вошли бывшие республики СССР, страны Центральной и Юго-Восточной Европы и некоторые другие государства с развивающимися рынками (например, Монголия и Турция). Размер выборки составляет 29 тысяч наблюдений. В 2016 году страновая выборка была более развернутой и охватывала 34 государства. Помимо уже упомянутых стран, в нее попали отдельные развитые страны Западной Европы (Германия), а также развитые страны юга Европы (Греция, Италия, Кипр и Мальта). В каждой стране было опрошено около 1,5 тысячи домохозяйств, что дало в целом 51 тысячу наблюдений.

Привлекательность данных LiTS заключается в том, что они позволяют увязывать социально-экономические характеристики респондентов с их институциональными и политическими предпочтениями. Это вполне согласуется с предметной областью настоящего исследования. Другое несомненное достоинство статистики LiTS – репрезентативность выборочных данных на национальном уровне. Иными словами, статистика LiTS дает нам возможность проведения более глубокого анализа конкретных страновых паттернов доверия населения власти. В настоящем исследовании мы сосредоточиваем свое внимание на одной стране – Российской Федерации.

Зависимой переменной в нашем исследовании является степень доверия респондентов различным уровням власти (федеральной, региональной и местной). В опросе 2016 года (LiTS-III) фигурировал следующий вопрос (переменная *q404*): «В какой степени Вы доверяете следующим институтам: президенту страны (*q404a*), кабинету министров (*q404b*), региональной власти (*q404c*), муниципальной власти (*q404d*) и т.д.?». Ответ на него давался по упорядоченной шкале Лайкерта: от 1 («безусловно не доверяю») до 5 («безусловно доверяю»). Разумеется, была предусмотрена возможность отказа от ответа на вопрос («не знаю»). При этом довольно часто респонденты избегали конкретных формулировок или точек зрения, рассуждая в духе «и доверяю, и не доверяю» (оценка 3 по 5-балльной шкале). В более раннем опросе 2006 года (LiTS-I) перечень оцениваемых респондентами органов власти был гораздо уже. В частности, в него не входили региональные и муниципальные органы власти. Это несколько ограничило наши возможности анализа и моделирования. Доверие президенту фиксировалось с помощью переменной *q303_1*, а доверие федеральному правительству – с помощью переменной *q303_2*.

На рис. 1 представлены различия в уровнях доверия органам власти в Российской Федерации, согласно данным опросов LiTS 2006 и 2016 годов.

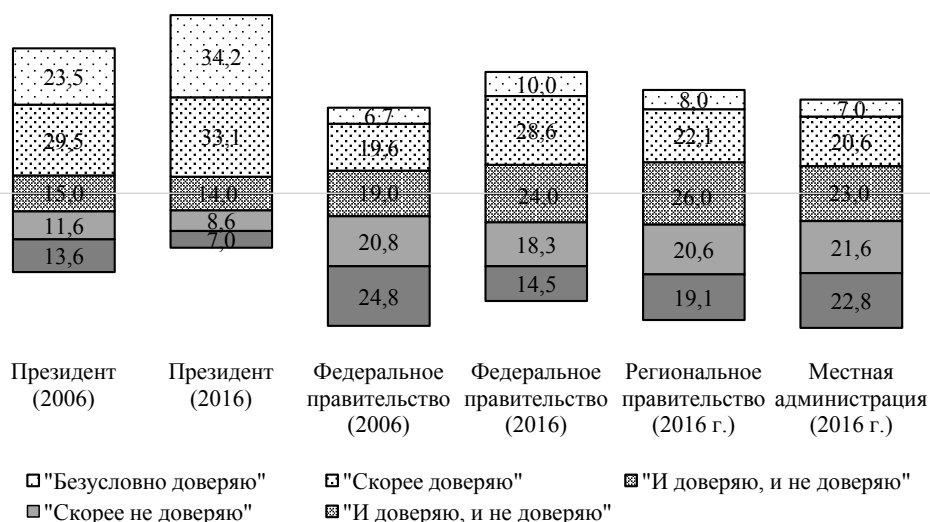

Рис. 1. Доверие органам власти в Российской Федерации

Источник: составлено авторами на основе данных LiTS-I (2006) и LiTS-III (2016).

Примечание: нами опущены доли ответов «не знаю»

На рис. 1 можно отметить несколько важных деталей. Во-первых, очевидно, что президенту вне зависимости от выбранного периода доверяли больше, чем другим охватываемым данным исследованием органам власти. Также обращает на себя внимание то, что доверие президенту (как

сумма ответов «скорее доверяю» и «безусловно доверяю») существенно выросло с 2006 по 2016 год, прежде всего за счет доли «безусловно доверяющих» респондентов (она увеличилась на 10 п.п.). Так, если в 2006 году только 54% респондентов в той или иной форме доверяли главе государства, то в 2016 году доля ответов «скорее доверяю» и «безусловно доверяю» возросла до 67%. Во-вторых, из данных следует, что в тот же период также укрепилось доверие федеральному правительству. Если в 2006 году ему доверяло только 27% респондентов, то 10 лет спустя доля ответов «скорее доверяю» и «безусловно доверяю» повысилась до 39%. В-третьих, оказывая большее доверие президенту и федеральному правительству, респонденты демонстрировали гораздо меньше доверия региональным правительствам и местным администрациям. В 2016 году только порядка 30% респондентов доверяли региональным и местным органам власти, при этом доля тех, кто совершенно не доверял, составила более 40%.

Представленные здесь оценки политического доверия, полученные по опросам LiTS, полезно соотнести с оценками национальных опросов, но делать это следует с известной осторожностью. Так, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в июле 2006 года уровень доверия президенту (как сумма ответов «скорее доверяю» и «доверяю полностью») достигал 87%. При этом необходимо сделать одно важное замечание. В вопросе ВЦИОМ «Насколько Вы доверяете следующим органам: президенту России?» не было предусмотрено варианта ответа «и доверяю, и не доверяю». Это могло сместить оценку доверия президенту вверх из-за отсутствия «сомневающихся» респондентов. В то же время опубликованный в декабре 2006 года рейтинг доверия политикам ВЦИОМ включал такой вопрос: «Назовите, пожалуйста, 5-6 политиков, которым Вы более всего доверяете». Президента РФ в числе таких политиков назвали 54% респондентов, что уже вполне соответствует оценкам LiTS за 2006 год. Что касается опросов ВЦИОМ 2016 года, вопрос «Насколько Вы доверяете следующим органам: президенту России?» больше не задавался, формировался лишь условный рейтинг доверия политикам при ответе на вопрос: «Все мы одним людям доверяем, другим – нет. А если говорить о политиках, кому Вы доверяете решение важных государственных вопросов?». По состоянию на декабрь 2016 года рейтинг доверия президенту составил 62% и вновь оказался достаточно близким к данным LiTS. О высоком уровне доверия российскому президенту свидетельствуют и данные всероссийского опроса 2015 года «Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе» (Терин, 2018, с. 95). Кроме того, авторы оригинального исследования (Fry et al., 2016) пришли к выводу, что в рейтингах российского президента, отражаемых в национальных опросах, скорее всего нет существенного смещения.

В целом факторы высокого уровня доверия российскому президенту теоретически описаны и обсуждены в отечественной и зарубежной литературе (Киселёв, 2014; Давыборец, 2016; Hutcheson, Petersson, 2016). К их числу могут быть отнесены: внутренний порядок, достижения в решении проблем населения, демонстрация статуса сверхдержавы на международном уровне, публичная активность президента, контроль над СМИ, политическая культура и менталитет россиян (легковерие и патернализм).

Немалая роль в создании имиджа президента принадлежит федеральным СМИ, которые позиционируют его как «распорядителя» последней инстанции и «двигателя» популярных социальных инициатив. Отсюда можно предположить, что доверие населения президенту, по всей видимости, основано на восприятии его общей эффективности. В то же время местные органы власти активно критикуются за непреходящие коррупционные «провальи». Так, согласно опросам Института социологии Российской академии наук за 2005 и 2018 годы, ранг пораженности местных властей коррупцией оказывается наивысшим среди государственных институтов всех уровней (Латов, 2019). Это дает нам право предположить, что (не)доверие местным органам власти скорее всего основано на восприятии уровня их коррупционности.

Основываясь на приведенных выше рассуждениях, сформулируем три исследовательские гипотезы.

Гипотеза 1. В модели доверия президенту влияние фактора эффективности будет преобладать над влиянием этического фактора (коррупционности).

Гипотеза 2. В модели доверия местным органам власти влияние этического фактора будет доминировать над влиянием фактора эффективности.

Гипотеза 3. В модели доверия президенту субъективный уровень дохода окажется в отрицательной связи с уровнем политического доверия.

Еще одним важным институциональным фактором доверия органам власти может быть доверие членов общества друг другу – межличностное доверие. В опросах 2006 и 2016 годов уровень межличностного доверия оценивался с помощью вопроса: «Могли бы Вы с уверенностью сказать, что большинству людей следует доверять?» (переменные *q403* и *q302_1* соответственно). Ответ на этот вопрос давался по упорядоченной 5-балльной шкале: от 1 – не доверяю совсем, до 5 – полностью доверяю. Полученные оценки представлены на рис. 2.

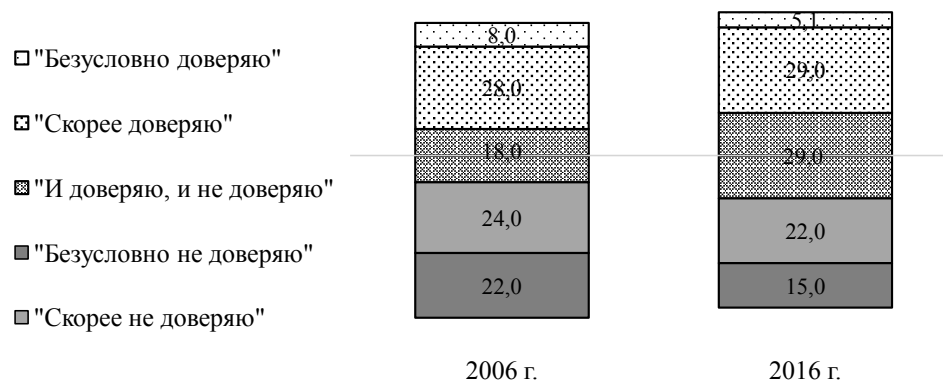

Рис. 2. Межличностное доверие в Российской Федерации

Источник: составлено авторами на основе данных LiTS-I (2006) и LiTS-III (2016)

Из рис. 2 хорошо видно, что за последние годы межличностное доверие в Российской Федерации претерпело определенные структурные изменения. Сократилась как доля респондентов, безусловно доверяющих другим членам общества (на 3 п.п.), так и доля тех, кто совершенно не доверяет. Сумма ответов «скорее не доверяю» и «безусловно не доверяю» уменьшилась на 9 п.п. – с 46% до 37%. В итоге резко, примерно на 11 п.п., выросла доля группы респондентов, не имеющих четкой позиции (одновременно доверяющих и недоверяющих).

Анализируя связь межличностного доверия с политическим доверием, мы можем предположить, что она положительная, однако не можем однозначно утверждать о направлении причинности. Действительно, в обществе с высоким уровнем межличностного доверия представители политической элиты также становятся бенефициарами этого доверия: межличностное доверие способствует доверию «системе». Однако вполне очевидно и обратное: адекватность и четкая спецификация формальных правил игры, а также эффективность санкций за их несоблюдение усиливают доверие в обществе, иными словами, доверие «системе» подкрепляет межличностное доверие. Это позволяет нам сформулировать следующую гипотезу.

Гипотеза 4. Политическое доверие российских граждан положительно связано с их межличностным доверием.

Далее в табл. 1 приводится описательная статистика по всем анализируемым нами переменным за 2016 год.

Таблица 1

Описательная статистика переменных

Переменная	Обозначение	Среднее значение	Стандартная ошибка
Ключевые зависимые переменные			
Доверие президенту	<i>political_trust</i>	3,88	0,07
Доверие местной администрации	<i>political_trust</i>	2,69	0,09
Восприятие коррупции в окружении президента, премьер-министра	<i>corruption</i>	1,86	0,09

Окончание табл. 1

Переменная	Обозначение	Среднее значение	Стандартная ошибка
Восприятие коррупции среди местных чиновников	<i>corruption</i>	2,63	0,06
Восприятие эффективности федерального правительства	<i>government_performance</i>	3,09	0,05
Восприятие эффективности местных администраций	<i>government_performance</i>	2,97	0,06
Объясняющие переменные			
Место проживания (городская местность)	<i>urban</i>	0,75	0,08
Пол	<i>gender</i>	0,45	0,01
Возраст	<i>age</i>	46,00	0,97
Образование	<i>education</i>	5,05	0,06
Субъективный дециль богатства	<i>wealth_decile</i>	4,45	0,22
Межличностное доверие	<i>social_trust</i>	2,77	0,11
Борьба с коррупцией	<i>corruption_fight</i>	2,05	0,05
Взятки в судебной системе	<i>court_unofficial_payments</i>	1,43	0,07
Законность и порядок	<i>law_order</i>	2,73	0,10
Свобода слова	<i>freedom_speech</i>	3,25	0,11
Мир и стабильность	<i>peace_stability</i>	3,07	0,06

Источник: расчеты авторов на основе данных LiTS-III

Примечание: взвешенные описательные статистики рассчитывались на основе выборочных данных по основным респондентам (primary respondents), поскольку только основные респонденты опрашивались по соответствующим тематическим модулям (с 3 по 9 модуль). Более подробную информацию об инструментах и методологии опроса LiTS-III можно найти по ссылке: <https://litsonline-ebrd.com/methodology-annex/>

3. Методология исследования

Оценивание влияния восприятия коррупции (*corruption*) и эффективности органов власти (*government_performance*) на политическое доверие (*political_trust*) будет выполнено с помощью метода инструментальных переменных (далее «метод ИП»), что позволит нам решить проблему пропущенной переменной (частный случай эндогенности).

В качестве инструментов для переменной восприятия коррупции в органах власти были выбраны следующие переменные: эффективность борьбы с коррупцией (*corruption_fight*) и возможность решения вопросов в судах с помощью неформальных платежей (*court_unofficial_payments*). Логика данного выбора основывалась на следующих умозаключениях.

Во-первых, мы полагаем, что восприятие коррупции зависит от того, насколько эффективно государство противостоит коррупционным злоупотреблениям в принципе. Если государство активно борется с коррупцией, то ее становится меньше.

Во-вторых, необходимым условием низкой коррупции (в том числе в органах власти) является неподкупность судебной системы. Если взяточничество проникает в судебную систему (что фиксирует переменная *court_unofficial_payments*), коррупционных злоупотреблений во власти становится больше. Мы полагаем, что влияние обеих переменных (эффективности борьбы с коррупцией и неподкупности судебной системы) на зависимую переменную политического доверия происходит опосредованно – через восприятие коррупции во власти.

В качестве инструментов для переменной восприятия эффективности органов власти мы выбрали переменные законность и порядок (*law_order*), свобода слова (*freedom_speech*), мир и стабильность (*peace_stability*), полагая, что восприятие эффективности органов власти тесно коррелирует с тем, насколько развиты в стране институты правового государства и гражданского общества. Здесь же следует оговориться, что переменная восприятия эффективности деятельности

президента отсутствует в данных LiTS-III. Респондентами приводилась лишь оценка общей эффективности действий федерального правительства.

Для оценки валидности используемых инструментов мы выполним два статистических теста: тест на слабость инструментов и тест Саргана. Первый тест позволяет ответить на вопрос, насколько полно применяемые инструменты объясняют вариацию эндогенных регрессоров, в нашем случае *corruption* и *government_performance*. В свою очередь, тест Саргана верифицирует нулевую гипотезу об экзогенной природе самих инструментов.

Наконец, мы дополним нашу итоговую модель политического доверия контрольными переменными, а именно: место проживания (*urban*), пол (*gender*), возраст (*age*), образование (*education*), субъективный дециль богатства (*wealth_decile*) и межличностное доверие (*social_trust*).

В результате получаем зависимости следующего типа:

$$\mathbf{corruption}_i = \alpha_0 + \alpha_1 \mathbf{corruption_fight}_i + \alpha_2 \mathbf{court_unofficial_payments}_i + \varepsilon_i; \quad (1)$$

$$\mathbf{government_performance}_i = \beta_0 + \beta_1 \mathbf{law_order}_i + \beta_2 \mathbf{freedom_speech}_i + \beta_3 \mathbf{peace_stability}_i + \varepsilon_i; \quad (2)$$

$$\mathbf{political_trust}_i = \gamma_0 + \gamma_1 \mathbf{corruption}_i^* + \gamma_2 \mathbf{government_performance}_i^* + \gamma_3 \mathbf{urban}_i + \gamma_4 \mathbf{gender}_i + \gamma_5 \mathbf{age}_i + \gamma_6 \mathbf{education}_i + \gamma_7 \mathbf{wealth_decile}_i + \gamma_8 \mathbf{social_trust}_i + \mu_i. \quad (3)$$

Здесь $\mathbf{corruption}_i^*$ и $\mathbf{government_performance}_i^*$ представляют собой инструментированные значения восприятия коррупции и эффективности органов власти; $\alpha_0, \alpha_1, \alpha_2, \beta_0, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \gamma_0 \dots \gamma_8$ – оцениваемые параметры моделей; $\varepsilon_i, \varepsilon_i, \mu_i$ – модельные ошибки.

4. Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 2 представлены результаты моделирования влияния институциональных факторов на доверие населения органам власти с помощью метода инструментальных переменных.

Анализируя результаты табл. 2, можно прийти к ряду интересных и содержательных заключений.

Во-первых, как и ожидалось, в 2016 году главной детерминантой доверия российскому президенту была эффективность действий федерального правительства. Эффективность правительства позволяла президенту приумножать доверие общественности. Восприятие коррупции отрицательно влияло на доверие президенту. Роль этой переменной была не столь высока, однако довольно существенна. Таким образом, *гипотеза 1 (о преобладающем влиянии фактора эффективности в модели доверия российскому президенту) подтвердилась*.

Во-вторых, совершенно противоположный результат мы обнаруживаем, когда речь идет об институциональных предпосылках доверия местным чиновникам. В этом случае именно коррупция становится ключевым фактором недоверия к власти. Собственно, это и неудивительно. Ранее мы уже отмечали, что негативный образ коррупционности более всего связывается с нижними этажами власти – местными администрациями (Латов, 2019). Таким образом, *гипотеза 2 о доминирующем влиянии этического фактора в модели доверия местной администрации также нашла свое эмпирическое подтверждение*.

Полученные результаты согласуются не только с данными других авторов по российской экономике, но и с результатами, полученными по странам со схожими институциональными условиями. В частности, более высокий уровень доверия домохозяйств центральной власти по сравнению с муниципальной властью отмечается в Китае (Li, 2016). Одним из объяснений данного феномена является политический контроль «центра», в том числе над ключевыми средствами массовой информации (Wu, Wilkes, 2017).

Таблица 2

Результаты моделирования влияния институциональных факторов на доверие органам власти (*political trust*), 2016 год

Переменная	Коэффициент (линеаризованная стандартная ошибка)					
	Президент			Местная администрация		
	Восприятие коррупции (президент/премьер-министр, окружение)	Восприятие эффективности федерального правительства	Доверие	Восприятие коррупции	Восприятие эффективности	Доверие
	Линейная регрессия		Метод ИП	Линейная регрессия		Метод ИП
Восприятие коррупции	-	-	-0,731*** (0,188)	-	-	-1,230*** (0,299)
Восприятие эффективности	-	-	1,276*** (0,433)	-	-	1,211*** (0,267)
Место проживания город			-0,045 (0,151)			0,188 (0,194)
село = <i>base</i>			-			-
Пол мужчина			-0,163 (0,136)			-0,145* (0,080)
женщина = <i>base</i>			-			-
Возраст 30-55			0,013 (0,124)			-0,011 (0,127)
>55			0,102 (0,138)			0,033 (0,144)
<30 = <i>base</i>			-			-
Образование			0,016 (0,040)			0,039 (0,043)
Субъективный дециль богатства	-	-	-0,083*** (0,029)	-	-	0,011 (0,041)
Межличностное доверие	-	-	0,232*** (0,046)	-	-	0,214*** (0,061)
Борьба с коррупцией	-0,431*** (0,099)	-	-	-0,306*** (0,110)	-	-
Взятки в судебной системе	0,118* (0,068)	-	-	0,124** (0,053)	-	-
Законность и порядок	-	0,056* (0,036)	-	-	0,170*** (0,033)	-
Свобода слова	-	0,102*** (0,036)	-	-	0,089** (0,042)	-
Мир и стабильность	-	0,033 (0,035)	-	-	-0,026 (0,031)	-
Константа	2,612*** (0,245)	2,511*** (0,097)	1,029 (1,473)	3,109*** (0,290)	2,310*** (0,103)	1,375 (1,224)
Тест на слабость инструментов (F-статистика)	47,773***	16,696***	-	37,286***	27,025***	-
Тест Саргана (p-value)	-	-	0,489	-	-	0,573
R2	0,118	0,082	0,187	0,090	0,104	0,224
Число наблюдений	588	996	976	789	1283	967

Источник: расчеты авторов на основе данных LiTS-III (2016).

Примечание: *** – коэффициент значим на уровне $p < 0,01$; ** – коэффициент значим на уровне $p < 0,05$; * – коэффициент значим на уровне $p < 0,1$, *base* идентифицирует выбор базовой категории.

В-третьих, бедные домохозяйства оказались наиболее лояльными по отношению к президенту группами населения: обнаружилось статистически значимое отрицательное влияние субъективного дециля богатства домохозяйств на доверие российскому президенту. Это подтверждает гипотезу 3 об отрицательной связи материального благосостояния российских домохозяйств с их доверием президенту.

Полученный результат также подкрепляется исследованиями других авторов и данными официальной статистики. С одной стороны, в литературе имеются весомые доказательства того, что в странах с высоким уровнем неравенства бедные домохозяйства склонны в большей степени доверять органам власти в силу их большей зависимости от социальной помощи (Medve-Bálint, Voda, 2014). С другой стороны, отрицательная корреляция между переменными политического доверия и субъективного дециля богатства домохозяйства вполне согласуется с российскими экономическими реалиями. С середины 2000-х годов наблюдается умеренное снижение уровня неравенства и бедности в российском обществе. Так, по оценкам Всемирного банка, за 2006–2016 годы индекс Джини в Российской Федерации сократился с 0,410 до 0,368. Согласно данным Росстата, децильный коэффициент фондов за тот же период уменьшился с 15,9 до 15,5, а коэффициент Джини – с 0,415 до 0,412. Кроме того, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (абсолютная бедность) снизилась за аналогичный период на 2 п.п. Такое сокращение неравенства и бедности было достигнуто посредством активной перераспределительной политики государства, в том числе через «ручное управление» и перераспределение сырьевой ренты в пользу экономически депрессивных регионов страны (Зубаревич, 2017). Косвенным свидетельством перераспределения доходов в пользу низкообеспеченных групп населения является увеличение доли социальных трансфертов в их доходах, которая, согласно данным официальной российской статистики, увеличилась в 2016 году до 19% по сравнению с 13% в 2008 году.

Поскольку ощутимые выгоды от процесса перераспределения доходов получали бедные домохозяйства, они и «награждали» власть политической поддержкой. Однако бенефициарами политической поддержки со стороны населения оказались далеко не все органы власти. Перераспределение доходов и снижение неравенства, осуществляемое ручным управлением из «центра» и широко освещаемое в федеральных СМИ в качестве достижений «центра», могло обеспечить эту поддержку только президенту и отчасти федеральной власти. На местах малообеспеченные группы населения могли сталкиваться с провалами перераспределительной политики государства и связывать эти провалы с неэффективностью или даже коррупционностью местных руководителей. По этой причине влияние субъективного дециля богатства домохозяйства на доверие президенту было отрицательным, а на доверие местной администрации – скорее положительным, однако статистически незначимым.

Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что переменная межличностного доверия положительно и статистически значимо влияла на политическое доверие. Иными словами, чем больше люди доверяли друг другу, тем больше они доверяли политическому руководству страны. Это подтверждает гипотезу 4 о положительной связи политического и межличностного доверия в российском обществе.

В заключение подчеркнем, что результаты статистических тестов (тест на слабость инструментов и тест Саргана) позволили нам сделать вывод о валидности используемых инструментов и надежности полученных результатов.

Заключение

В работе анализировалось влияние институциональных факторов (воспринимаемой эффективности и коррупционности органов власти, межличностного доверия) и субъективного дециля богатства домохозяйств на доверие разным уровням власти (федеральной, региональной и местной) в современной России. Исследование основано на данных опроса ЕБРР «Мониторинг уровня жизни домохозяйств/индивидов в развитых, переходных и развивающихся странах». Для тестирования четырех исследовательских гипотез на данных 2016 года были построены

эконометрические модели с введением ряда контрольных переменных. Модели были оценены методом наименьших квадратов с инструментальными переменными, что позволило решить проблему эндогенности.

В результате исследования все выдвинутые нами гипотезы нашли подтверждение. Во-первых, доказано, что высокий уровень доверия российскому президенту объясняется в основном воспринимаемой эффективностью деятельности центра вообще и федерального правительства в частности. Во-вторых, гораздо более низкий уровень доверия местным администрациям связан прежде всего с воспринимаемой коррупционностью данного уровня власти. В-третьих, бедные домохозяйства в большей степени склонны проявлять доверие российскому президенту, тогда как для богатых домохозяйств получены относительно более высокие, хотя и неустойчивые оценки доверия местным властям. В-четвертых, подтверждена положительная связь политического и межличностного доверия в российском обществе.

Полученные результаты могут быть полезными для повышения политической, правовой, социальной и экономической стабильности государства путем воздействия на политическое доверие. Наше исследование показало, что одним из основных факторов политического доверия выступает воспринимаемая гражданами эффективность власти, которая является достаточно широким понятием и отражает ее успехи как в экономической, так и в социальной, политической и прочих областях. Эффективность власти находится в тесной связи с обеспечением мира и стабильности, соблюдением законности и порядка, гарантией демократических свобод, таких как свобода слова. Другим важным фактором политического доверия является восприятие гражданами уровня коррупции во власти. Наше исследование продемонстрировало, что прозрачность деятельности судов, их беспристрастие и неподкупность влияют на уровень восприятия коррупции и способствуют росту политического доверия. Наличие существенных проблем в этой области актуализирует необходимость кардинальной реформы судебной системы РФ. Следует особо подчеркнуть, что граждане оценивают успехи государственного управления в разных сферах в первую очередь с точки зрения собственного благополучия и, как правило, в сравнении с благополучием других людей. Очевидно, воспринимаемый уровень справедливости в распределении доходов влияет на их оценки. Отсюда следует, что восприятие социально-экономического неравенства в обществе также является важной детерминантой политического доверия. Наконец, межличностное доверие как элемент общественной культуры оказывает существенное влияние на доверие как лицам, облеченным властью, так и политическим институтам, которые они представляют. В заключение также необходимо отметить влияние на политическое доверие средств массовой информации. Оно может варьировать в достаточно широких пределах – от умелого манипулирования общественным сознанием до формирования здорового имиджа конкретных представителей власти и политических институтов в целом, выстраивания обратной связи во взаимодействии государства и общества, что в долгосрочном периоде следует считать более эффективной стратегией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеева, Д. А. (2019). Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*, 3, 79–93.

Давыборец, Е.Н. (2016). «Феномен» доверия президенту России // *Социологические исследования*, 11, 107–113.

Зубаревич, Н. В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*, 2, 46–57.

Киселёв, В. О. (2014). Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6 (124), 51–63.

Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2015). Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*, 1(12), 79–99.

Латов, Ю. В. (2019). Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 11(4), 40–60.

Селигмен, А. (2002). Проблема доверия. Перевод с англ. М.: Идея-Пресс. 256 с.

Терин, Д. Ф. (2018). Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // *Социологический журнал*, 24(2), 90–109.

Фукуяма, Ф. (1999). Доверие // Иноземцев В.Л. (ред.). Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 123–162.

Ananyev, M., Guriev, S. (2017). Effect of income on trust: evidence from the 2009 economic crisis in Russia // *The Economic Journal*, 129 (April), 1082–1118.

Baniamin, H. M. (2019). Linking socio-economic performance, quality of governance, and trust in the civil service: does culture intercede in the perceived relationships? Evidence from and beyond Bangladesh, Nepal and Sri Lanka // *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 41(3), 127–141.

Braun, D., Fatke, M. (2019). A Palliative for Those Who Feel Left Behind? Political Trust in the Face of Economic Inequality. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2920988>

Dodsworth, S., Cheeseman, N. (2020). Political trust: The glue that keeps democracies together. International Development Department, University of Birmingham, London. (https://www.researchgate.net/publication/341670477_Political_trust_The_glue_that_keeps_democracies_together – Дата обращения: 15.09.2020).

Fairbrother, M., Martin, I. W. (2013). Does inequality erode social trust? Results from multilevel models of US states and counties // *Social Science Research*, 42(2), 347–360.

Festenstein, M. (2020). Political Trust, Commitment and Responsiveness // *Political Studies*, 68(2), 446–462.

Frye, T., Gehlbach, S., Marquardt, K. L., Reuter, O. J. (2016). Is Putin's popularity real? // *Post-Soviet Affairs*, 33(1), 1–15.

Goubin, S. (2020). Economic inequality, perceived responsiveness and political trust // *Acta Politica*, 55, 267–304.

Hutcheson, D. S., Petersson, B. (2016). Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*, 68(7), 1107–1126.

Lee, D., Chang, C. Y., Hur, H. (2020). Economic performance, income inequality and political trust: new evidence from a cross-national study of 14 Asian countries // *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 42(2), 66–88.

Levi, M., Stoker, L. (2000). Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*, 3(1), 475–507.

Li, L. (2016). Reassessing Trust in the Central Government: Evidence from five national surveys // *The China Quarterly*, 225(3), 100–121.

Medve-Bálint, G., Boda, Z. (2014). The poorer you are, the more you trust? The effect of inequality and income on institutional trust in East-Central Europe // *Sociologicky časopis / Czech Sociological Review*, 50(3), 419–453.

Mishler, W., Rose, R. (2001). What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies // *Comparative Political Studies*, 34(1), 30–62.

Rothstein, B. (2011). The quality of government: Corruption, social trust, and inequality in international perspective. University of Chicago Press. 304 p.

Segovia Arancibia, C. (2008). Political trust in Latin America, Ph.D. thesis, University of Michigan. 187 p.

Uslaner, E. M. (2011). Corruption, the inequality trap and trust in government // S. Zmerli & M. Hooghe (Eds.), *Political trust: Why context matters*. ECPR Press, 141–162.

Wang, C.-H. (2016). Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia // *Social Science Quarterly*, 97(2), 211–231.

Wu, C., Wilkes, R. (2017). Local-national political trust patterns: Why China is an exception // *International Political Science Review*, 39(4), 1–19.

Zmerli, S., Castillo, J. C. (2015). Income inequality, distributive fairness and political trust in Latin America // *Social Science Research*, 52, 179–192.

REFERENCES

- Ananyev, M., Guriev, S. (2017). Effect of income on trust: evidence from the 2009 economic crisis in Russia. *The Economic Journal*, 129 (April), 1082–1118.
- Avdeeva, D. A. (2019). Trust in Russia and its connection with the level of economic development. *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 79–93. (In Russian.)
- Baniamin, H. M. (2019). Linking socio-economic performance, quality of governance, and trust in the civil service: does culture intercede in the perceived relationships? Evidence from and beyond Bangladesh, Nepal and Sri Lanka. *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 41(3), 127–141.
- Braun, D., Fatke, M. (2019). A Palliative for Those Who Feel Left Behind? Political Trust in the Face of Economic Inequality. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2920988>
- Davyborets E. N. (2016). «Phenomenon» of trust to Russia's president. *Sociological Studies*, 11, 107–113. (In Russian.)
- Dodsworth, S., Cheeseman, N. (2020). Political trust: The glue that keeps democracies together. International Development Department, University of Birmingham, London. (https://www.researchgate.net/publication/341670477_Political_trust_The_glue_that_keeps_democracies_together – Accessed: 15.09.2020).
- Fairbrother, M., Martin, I. W. (2013). Does inequality erode social trust? Results from multilevel models of US states and counties. *Social Science Research*, 42 (2), 347–360.
- Festenstein, M. (2020). Political Trust, Commitment and Responsiveness. *Political Studies*, 68(2), 446–462.
- Frye, T., Gehlbach, S., Marquardt, K. L., Reuter, O. J. (2016). Is Putin's popularity real? *Post-Soviet Affairs*, 33(1), 1–15.
- Fukuyama, F. (1999). The trust. In Inozemtsev V.L. (ed.). *New postindustrial wave in the West*. Anthology. Moscow: Academia, 123–162. (In Russian.)
- Goubin, S. (2020). Economic inequality, perceived responsiveness and political trust. *Acta Politica*, 55, 267–304.
- Hutcheson, D. S., Petersson, B. (2016). Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia. *Europe-Asia Studies*, 68(7), 1107–1126.
- Kiselev, V. O. (2014). Trust in Russian political institutions: sociological monitoring case study. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 6(124), 51–63. (In Russian.)
- Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2015). Political Trust in Russia: Peculiarities and Problem of Optimality. *Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotziologii)*, 1(12), 79–99. (In Russian.)
- Latov, Y. V. (2019). Corruption in the mirror of Russian public opinion: problems, contradictions, paradoxes. *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 40–60. (In Russian.)
- Lee, D., Chang, C. Y., Hur, H. (2020). Economic performance, income inequality and political trust: new evidence from a cross-national study of 14 Asian countries. *Asia Pacific Journal of Public Administration*, 42(2), 66–88.
- Levi, M., Stoker, L. (2000). Political Trust and Trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 3(1), 475–507.
- Li, L. (2016). Reassessing Trust in the Central Government: Evidence from five national surveys. *The China Quarterly*, 225 (3), 100–121.
- Medve-Bálint, G., Boda, Z. (2014). The poorer you are, the more you trust? The effect of inequality and income on institutional trust in East-Central Europe. *Sociologický časopis / Czech Sociological Review*, 50(3), 419–453.
- Mishler, W., Rose, R. (2001). What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies. *Comparative Political Studies*, 34(1), 30–62.
- Rothstein, B. (2011). *The quality of government: Corruption, social trust, and inequality in international perspective*. University of Chicago Press. 304 p.
- Segovia Arancibia, C. (2008). Political trust in Latin America, Ph.D. thesis, University of Michigan. 187 p.

- Seligmen, A. B.* (1997). The problem of trust. NJ: Princeton University Press. 231 p.
- Terin, D. F.* (2018). The structure of political trust in Russia: performance and fairness of political institution. *Sociological journal*, 24(2), 90–109. (In Russian.)
- Uslaner, E. M.* (2011). Corruption, the inequality trap and trust in government. In S. Zmerli & M. Hooghe (Eds.), *Political trust: Why context matters*. ECPR Press, 141–162.
- Wang, C.-H.* (2016). Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia. *Social Science Quarterly*, 97(2), 211–231.
- Wu, C., Wilkes, R.* (2017). Local-national political trust patterns: Why China is an exception. *International Political Science Review*, 39(4), 1–19.
- Zmerli, S., Castillo, J. C.* (2015). Income inequality, distributive fairness and political trust in Latin America. *Social Science Research*, 52, 179–192.
- Zubarevich, N. V.* (2017). Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy. *The world of new economy*, 2, 46–57. (In Russian.)